

П

Фетиш как перверсивное проявление в современном мире

Т. В. Изумрудова

Изумрудова Татьяна Валерьевна – психолог (НИУ ВШЭ), член ассоциации АПКБК, психоаналитически ориентированный консультант.

Готово ли современное общество в век быстроизменяющихся технологий, социализации и поиска своего Я к вызовам, которые нам преподносит реальность, готово ли оно справляться с утратой того, что было близко и понятно, готово ли оно смириться с потерей той реальности, в которой находился индивид? Что стоит за этой тревогой, какие могут скрываться проявления перверсий за безобидным на первый взгляд пристрастием к товарному фетишу? Психоаналитики различных направлений на протяжении всей истории развития перверсий вносили свой вклад в изучение данного вопроса, но они не могли предположить, что общество столкнется с подобными реалиями, когда индивид может испытать невыносимую тревогу от потери обладания брендом, аналогичную той, которую он, возможно, испытывал в детстве.

Ключевые слова: фетиш, товарный фетиш, перверсия, перверсивные действия, тревога.

Последние политические и экономические события, показали, что не только психическое состояние подвергается разрушительным воздействиям, весь современный мир как будто не стабилен и при утрате реальности, утрате возможности обладать определенными благами мы можем наблюдать проявление фетиша, но не в привычном формате сексуального проявления, а в экономическом. В практической работе с клиентами после событий февраля 2022 года устойчиво присутствует тема тревоги о потере определенных ценностей, таких как бренды, поездки,

материальные блага, не относящихся к предметам первой необходимости, а также тревоги потери того, что они могут сравнить с «конфетой», которая была их собственностью – она была большой и сладкой, давала им ощущение возвышенности, больших возможностей. При этом озвучивалось, что при ее потере (этой «конфеты») они ощущают себя в состоянии «второго сорта», «отбросами», «никчемными личностями».

Подобная тенденция приводит к размышлениям о том, что, возможно, наше завышенное потребление выступает в роли фетиша и потеря его приводит в свою очередь к повышенной тревоге и разочарованию. В контексте данного размышления были обнаружены похожие предположения, но не с точки зрения психоанализа, а экономической теории, что в свою очередь свидетельствует о том, что психология может тесно переплетаться с различными направлениями нашей жизни и поэтому понимание природы определенных проявлений может оказать содействие при изучении более глубоких связей и проявлений фетиша в современном мире, предполагая, что его проявления могут наблюдаться не только в сексуальной жизни, но и в общественно-социальной. С точки зрения политической экономии понятие товарного фетиша ввел Карл Маркс в работе «Капитал» в 1867 году, в которой товарный фетиш рассматривается как социальные отношения между вещами (деньгами и товарами) и упоминается, что мы относимся друг к другу лишь как «меновые стоимости». В 1871 году Карл Менгер в своей работе «Основания политической экономии» пишет о том, что «ценность есть значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении» (Менгер, 2005). Интересен факт, что, оказавшись в эмиграции, Зигмунд Фрейд также стал обдумывать проблему соотношения бытия и обладания, позже эту тему развивает в своих работах психоаналитик и философ-фрейдомарксист Эрих Фромм. В своей книге «Иметь или быть» Фромм показывает, что есть два основных способа существования человека в мире: обладание (ориентация на вещи) и бытие (способ существования, при котором человек не имеет ничего и не жаждет иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывая в единении с миром) (Фромм, 2019). И в этом контексте можно продолжить размышления о том, как связаны между собой понятия: обладание, потеря возможности обладания, тревога от этой потери? Что именно стоит за этой потерей? Зигмунд Фрейд на склоне лет сравнивал свое мироощущение с радостью Ганса, который избавился от имущества, но зато обрел радость и счастье.

Французский философ Ги Дебор рассуждает в своих работах о том, что «человек уже не может удовлетвориться просто потреблением товара; он полон религиозного почтения к бесконтрольной свободе товара. Сам термин "товарный фетишизм" доводит людей до состояния нервной лихорадки, что мало отличается от религиозного фетишизма былых времен: такой же экстаз, конвульсии и восторг чудом исцеленных» (Дебор, 1999). И дальше в другом философском рассуждении мы встречаем следующее

высказывание: «смещение фетишизма на "отношения между вещами" дефетишизирует "отношения между людьми"» (Жижек, 2011).

Если проследовать дальше за этими философскими рассуждениями фрейдомарксистского толка, то они, как и вышеприведенные размышления, наталкивают меня на мысль: а не является ли чувство тревоги утраты и потери, возникшее в текущих политических и экономических событиях, которая зачастую проявляется в потере возможности обладать вещью (тем самым свидетельствуя о наличии товарного фетиша), чем-то более глубоким, с чем мы не могли столкнуться ранее, работая в тех реалиях, которые существовали до этих событий?

В чем, собственно, суть этих переживаний и как они проявляются, когда угроза или ощущение пустоты исходят не со стороны «живых объектов», а со стороны возможной потери обладания вещью? Что скрывает за собой столь широко используемый термин «фетиш», который подразумевает в своем разнообразии определенные социальные характеристики, физически-телесные, а также учитывает естественные особенности индивида?

Упоминая фетиш, мы подразумеваем перверсию, а какой тон, собственно, выбрать, когда речь заходит о перверсии?

Перверсные отношения или особый лабиринт, образованный этими перверсными отношениями? В современной концепции психоаналитического подхода многие авторы применяют термин «перверсия» в отношении все более расширяющегося круга феноменов, распространяя использование термина далеко за пределы точного определения, принимаемого ранее. *Perverto* (лат. переворачиваю), *pervertere more* (лат. уклоняться от морали, поступать безнравственно) – термины, которые в последнее время стали доступными не только для психоаналитиков, но и широко применимы в современном обществе как определение проявления какого-то поведения, выходящего за общепринятые нормы. Перверсия – действие, направленное на то, чтобы отвернуться от естественной природы, естественной функции и всего того, что рассматривается в контексте отклонения от нормы.

Понятие нормы является одним из тех элементов, которое, с одной стороны, всем понятно и доступно, а с другой стороны, может иметь множество интерпретаций. Если вернуться к понятию нормы, то принято считать, что норма включает социологическое и психическое состояние общества и различные формы сексуального поведения. Несмотря на определенные общечеловеческие понятия, которые поддерживались в том числе и религией, за время длительного пути развития самого общества, а также психоаналитического учения сами нормы стали претерпевать определенные изменения. В связи с этим бывает сложно говорить о перверсиях как о явлении, которое имеет четкие разграничения. Сексуальная революция в 60-х годах прошлого века дала возможность свободного сексуального проявления и свободы сексуального выбора. Свобода выбора, общения, проявления – множество сообществ, сайтов, групп, где люди с особыми запросами, назовем на данном этапе это так, могут пообщаться, поделиться своими фантазиями, получить поддержку от таких же, как

они, а самое главное, не вызвав никаких дальнейших сложностей, так как все обезличено, лица скрыты, тебя не узнают, – зачастую тут срабатывает отключение внутреннего стабилизатора, и наступает состояние, когда позволить себе можно многое... Поэтому в столь быстро изменяющемся подходе важно понимать общественный знаменатель делинквентного поведения, в том числе и перверсивных действий, когда мы можем проследить связь между перверсной организацией личности и необходимостью поддержания иллюзии, соблазна, где это проявление можно понять и даже принять, так как подобные устремления могут оказаться чем-то приемлемым и объяснимым, а что-то, выходящее за эти границы, может вызывать в нас отторжение, агрессию, неприятие. Существует определенная сложность – сложно говорить про отклонения, где присутствуют иллюзия и соблазн. Поэтому жизнь человека, находящегося в рамках схемы «иллюзия – удовольствие – норма», – не про удовольствие, а про страдание, причем в этих проявлениях страдают не только жертвы всех типов первертов, но и сами перверты. Это может показаться странным – они же удовлетворяют свои влечения, но так как они возникают вследствие наличия внутренних конфликтов, то способ реализации влечения не приносит удовольствия и далее обрекает перверта на бесконечное повторение действий в попытке разрешить этот конфликт. Тем самым мы можем наблюдать повторяющийся цикл, где влияние на личность могут оказывать не сами причины эдипова конфликта, а травмы и страхи, которые к этому привели и в последующем в течение всей жизни оказывают серьезное влияние на социальную жизнь, с возможным негативным проявлением в построении коммуникаций, создании семьи, построении карьеры, на то, как личность ощущает себя в социуме, с чем себя, собственно, ассоциирует, так как от того, насколько мы себя ощущаем благополучными, достойными, стабильными, зависит и наше психическое здоровье и, как следствие, – психическое здоровье общества, в котором мы существуем.

Показатель психического здоровья заключается не в механическом подчинении социальным нормам, а в способности нарушать эти нормы с позиции рефлексии, которая обеспечивает богатство и мобильность вместо застывшей жесткости. Невыносимые чувства слабости, зависимости и ничтожности отражаются в перверсивных действиях таким образом, что тот, кто проявляет это, чувствует себя сильным, независимым и великолепным. В каждом возможном проявлении насилия, хотя и мимолетно, но оживляется идея собственного величия, которая, в согласии с психоаналитическим учением о защите, помогает утратившему психическое равновесие человеку с помощью перверсивных действий легче переживать плохоневносимые чувства слабости, ничтожности и зависимости. Принятие реальности для маленького мальчика означает признание необходимости подождать, пока он не достигнет сексуальной зрелости и не будет способен удовлетворить взрослую женщину (заменитель матери) и подарить ей ребенка. Для него это означает признание потребности расти, развиваться и идентифицировать себя с отцом, чтобы, как он, обладать оплодотворяющим генитальным пенисом. Это означает признание того, что отец наделен прерогативами в отношении ребенка. Это принятие того факта,

что первичная сцена гениталий и способность взрослого воспроизводить потомство лежат вне досягаемости ребенка. В этом зависть к пенису (зависть к пенису отца) для маленького мальчика «нормальна», как и сопутствующее ей бессознательное желание сексуального сближения, цель которого – интроецировать сексуальные атрибуты взрослого. Но в случае, если этого не произошло, мы можем наблюдать формирование перверсии. Рассматривая природу перверсий, необходимо особое место уделить понятию фетиша как проявления перверсного поведения.

Фетишизм, независимо от того, существует ли он «как простой намек» (Фрейд, 2021) или в его полностью развитой форме, в которой использование неодушевленного предмета является абсолютным условием для удовлетворения, имеет отношение к фаллической фазе. Если в процессе развития анальный фаллос предшествует половому члену, он становится постфактум имитацией (протезы, ортопедические инструменты, которые могут заменить член или помочь нарушить функцию, отождествляются в бессознательном с анальным фаллосом и часто выбираются для использования в качестве фетишей). Хотя множественные перверсии встречаются чаще, чем изолированные, фетишизм или фетишистские аспекты проявляются как в сочетании с другими перверсными тенденциями, так и как изолированные явления. Разнообразие перверсных проявлений может объясняться множественными фиксациями. Рассмотрим более подробно различные взгляды психоаналитиков в этом вопросе.

Возвращаясь к работе Фрейда «Фетишизм» (Фрейд, 2021), хотелось бы сделать акцент на описании фетиша как замены материнского фаллоса, от которого субъект не хочет отказываться из-за силы его страха кастрации, что подтверждалось существованием «кастрированных» существ, а именно женщин. Благодаря расщеплению Эго назидание фетиша служит как для отрицания, так и для утверждения «кастрации» женщиной. Конструирование фетиша связано не только с необходимостью отрицать отсутствие полового члена, поддерживая страхи перед кастрацией, но также связано с необходимостью отрицать материнское отверстие, которое является доказательством сексуальных отношений между родителями.

Таким образом, фетиш является своего рода памятью интенсивного анального секса между матерью и сыном. Исключение генитального пениса и генитального отца обозначаются и поддерживаются самим присутствием фетиша. Как показывает Шассге-Смиржель, отрицание различий между полами неразрывно связано с различиями между поколениями. Маленький мальчик как будто задает вопросы: «Как я буду адекватным сексуальным партнером для моей матери? Разве это не то, что она мне сообщает, когда заставляет меня разделить ее кровать, балует меня, любит меня, когда она презирает моего отца, скрывает от него мою "глупость" и делает меня своим очаровательным сообщником? Поэтому мне не нужно расти и взрослеть, чтобы занять место отца» (Шассге-Смиржель, 1974). Таков неявный дискурс будущего перверта, чаще всего утешаемого иллюзиями о своей матери, позволяющий создать фундаментальный круг проблем перверта:

- поддержание иллюзии, что ему не в чем завидовать отцу;
- нет потребности в генитальном плодородном половом члене;
- можно избежать конфликтов, возникающих в результате интроекции половозрелого атрибута отца без необходимости отождествлять себя с его миром.

Таким образом, ему удастся избежать эдипова комплекса в том, что с этим связано – угроза кастрации:

- отец ему не соперник;
- он не обязан отнимать у него объект – мать, которой, как он думает, он уже обладает, возводит его на трон как привилегированного партнера;
- он не пытается захватить или интроецировать (в противоположность проекции, процесс, в котором человек неосознанно впитывает качества или аспекты внешней реальности) пенис отца, который, следовательно, не будет мстить;
- он не пытается представить анальный половой член, предшественник генитального полового члена, как равный или превосходящий отцовский половой член, в результате чего репродуктивные функции принижаются или отрицаются.

Эти утверждения возвращает нас к фетишизму, где фетиш представляет собой анальный фаллос, поскольку он занимает место полового члена и исключает его из сексуальной сцены и из психики в целом.

Возбуждение фетишиста происходит от самого фетиша (или скорее возбуждение, которое он допускает), которое необходимо для поддержания соблазна, на котором построена его психосексуальность. Факт, что его носитель – мужчина, женщина или сам субъект или что он превращен в неодушевленный предмет – одежду, обувь, нижнее белье или волосы, становится второстепенными по сравнению с необходимостью, чтобы фетиш существовал где-то в неизменной и совершенно захватывающей манере.

Фактически, многие авторы показали чрезмерно детерминированный характер фетиша. Так, Дональд Вудс Винникотт упоминает о том, что фетиш можно описать как «активность специфического объекта или вида объекта, возникающего еще в младенческом опыте в переходной области и связанного с манией материнского фаллоса. Ложь и воровство можно описать как бессознательное стремление индивида к устранению разрыва в непрерывности опыта, связанного с переходным объектом» (Винникотт, 1953). По его мнению, агрессивное влечение, свойство любых отношений, есть постоянно формирующая реальность, выживая в ней, объект становится «используемым». Если переходные объекты и феномены сохраняются после этого времени, они неизбежно становятся фетишами. И если проследить генеалогию этих множественных значений, на поверхность выйдет тот факт, что все чаще будут подчеркиваться прегенитальные конфликты, которые фетишизм стремится разрешить и больше не иметь тревоги кастрации. Уильям Гиллеспи (1940) подчеркивал скрытые прегенитальные факторы и связанную с ними тревогу, которая реактивируется при виде женских половых органов. Он делал акцент на опасениях по поводу разрушения объекта, который получает облегчение от

фетиша. Фетиш, неодушевленный предмет, неизменен и постоянен; любой садизм, направленный на это, остается без ответа.

Филлис Гринакр (1968) попыталась связать беспокоящие эффекты явлений, происходящих в течение двух фаз, фундаментальных для конституирования (придающих законную силу) фетиша: первые, в течение первых 18 месяцев жизни, которые приводят к ошибочному развитию образа тела; вторые – в возрасте от двух до четырех лет (фаллическая фаза), которые приводят к «преувеличенному» комплексу кастрации. Однако именно из-за архаичных прегенитальных искажений кастрации комплекс непреодолим без помощи фетиша. Собственно говоря, вид женских половых органов, лишенных пениса, реактивирует тенденцию к первичной идентификации (с партнером-женщиной, заменой матери), связанной с патологиями раннего развития. Если он представляет фаллос матери и отрицает различие между полами, фетиш восстанавливает существование фаллоса самого субъекта посредством визуальной и обонятельной интроекции.

Многие авторы, которые более или менее опровергли теорию о том, что фетиш представляет собой материнский фаллос и ту важность, которую Фрейд придавал комплексу кастрации в фетишизме, говорят о тревоге разлуки и неспособности отказаться от первичной идентификации с матерью, тем самым создавая суть проблемы фетишизма, где фетишизм направлен на преодоление тревоги разлуки через чувство полного единения с матерью, полученное посредством интроекции хорошего объекта (хорошей груди). Конечная цель фетишиста – не получить генитальное удовлетворение, а почувствовать состояние восторга, связанного с этим союзом с хорошим объектом. Фетишистская деятельность стремится разрушить отождествление с плохой грудью, чтобы установить отождествление с хорошей грудью: «Фетишистский объект – это не только объект, но и идентификация» (Фрейд, 2021). Фетишист проявляет свой фетишизм в собственном характере и относится к своим реальным объектам как к неодушевленным фетишам. Боязнь разлуки намного больше преобладает над тревогой кастрации (в детском возрасте), и это остается таковым у взрослых, чей фетишизм удовлетворяет изначальное желание союза с матерью. И в подтверждение этого Чарльз Сокаридес (1960) упоминает, что фетиш представляет «ребенка», которым фетишист хочет «забеременеть», тем самым связывая решение проблемы фетишизма с той же проблемой: быть беременной матерью, чтобы быть ребенком внутри матери и этим слиянием предотвратить разлуку с первичным объектом. Идея об органической связи между тревогой разлуки и тревогой кастрации поддерживается Фрейдом теорией о тревоге и подтверждает то, что два предшественника кастрационного беспокойства связаны с разлукой с матерью. Тем не менее раскол в перверсии может быть гораздо шире, чем указывает Фрейд в своем описании фетишиста, где речь идет о влиянии на два психосексуальных аспекта, присущих двум стадиям либидозного развития:

первый – это этап доступа к реальности, основанной на признании двойного различия (между полами и поколениями), и сливается с генитальностью и принятием первичной сцены;

второй – анально-садистская вселенная, в которой стираются все различия. Однако остатки генитальной реальности возрождаются в принудительной идеализации объектов и инстинктов, принадлежащих этой стадии.

Таким образом, если психоз создает новую реальность из-за заблуждения и если невроз имеет тенденцию заменять реальный мир фантастическим миром, перверсия осуществляет трансмутацию реальности посредством идеализации анальности, объявляя ее равной или лучшей, чем реальный, генитальный мир. О наличии расщепления в Эго свидетельствует не тот факт, что субъект и знает, и игнорирует эту мать, не имеющую пениса, а тот факт, что он знает и игнорирует то, что анальный фаллос не равен и не лучше отцовского пениса. Соответственно, мы можем наблюдать, что возникают разногласия между утверждением абсолютного предпочтения матерью изысканного ребенка и смутная, уничтожающая интуиция преобладания отцовских прерогатив генитального мира. Это ужасающее чувство, которое может привести перверта к состоянию заброшенности, к необходимости бороться с истинным принуждением идеализировать (склонность перверта к прекрасному: перверт часто бывает эстетом). Детские игры управляются желаниями, а именно желанием вырасти и стать взрослым. Ребенок всегда играет во «взросление» и имитирует увиденное – жизнь взрослых. «Желание вырасти» является одним из основных компонентов «нормального» идеала Эго, но именно этого не хватает для Эго-идеала перверта. Эго-идеал перверта, частично введенного в заблуждение его матерью, имеет некоторые неоспоримые преимущества – он избавил молодого перверта от боли столкнуться с существующим анахронизмом между появлением эдипова желания и физиологической способностью удовлетворить его. В своей работе Шассге-Смиржель (1978) рассуждает о том, что все перверсии по своей сути являются анально-садистскими, поскольку анальная вселенная – это вселенная, в которой существует уравнение: пенис = ребенок = кал.

Однако потребность иметь половой член для ребенка предполагает необходимость роста и созревания. Противоположным этому являются фекалии, которые являются достоянием мужчин и женщин, взрослых и детей. Сведение ценностей, объектов и частей объектов, наиболее высокодифференцированных эрогенных зон к однородным частицам (что происходит при пищеварении), превращение вселенной в экскременты свойственно перверсиям, для которых анально-садистское измерение является единственно приемлемым, поскольку оно исключает генитальную сексуальность из мира первертов, и в этом заключается различие между полами и поколениями. И анальный фаллос играет здесь всеобъемлющую роль. Он неограниченно возобновляется, поэтому вечен и неуязвим, тогда как ребенок смертен и пенис можно кастрировать. Таким образом, фетиш, выступающий как идеализированный анальный фаллос, вызывает

в воображении все те элементы, которые отделяют сына от его матери – первичный объект и эдипальный объект, обеспечивая непрерывность их отношений. Даже грудь, хоть и не принадлежит к анально-садистской фазе, может быть возвращена к жизни через фетиш из-за природы анально-садистской регрессии, которая через устранение различий позволяет осуществлять всемогущий магический контроль над объектами. Этот всемогущий магический контроль не только позволяет субъекту снова слиться с первичным объектом, но и отделиться от него по желанию, как для восстановления, так и для отмены слияния.

Французское слово *maquiller* означает накрасить, замаскировать. Восходит оно к древнеанглийскому *macian (to make, build)*, в смысле создания или отделки (например, здания). Речь идет об отделке неодушевленного, о создании из естественных материалов чего-то искусственного. Разница между создать (сделать) и породить подразумевает противопоставление неодушевленного и одушевленного, жизни и смерти, того, что можно кастрировать, и того, что нельзя кастрировать. Идеализированное часто бывает ярким и сверкающим. Как известно, такие характеристики часто являются частью фетиша (блестящие сапоги, клеенчатый плащ, атласное белье и т. д.), тем самым маскируя свою анальность. Поэтому фетишизм, независимо от того, в какой форме он существует, является абсолютным условием для удовлетворения. Фетишизм или фетишистские аспекты проявляются как изолированные явления, так и в сочетании с другими перверсными тенденциями.

Кто же он на самом деле, как он выглядит и можно ли его узнать? Не побоюсь сделать данное предположение, но это может быть любой, кто находится сейчас рядом с вами.

Мужчина 48 лет, внешне имеет все признаки привлекательного мужчины в образе брутального представителя своего класса. Очень чистоплотен, использует в повседневной жизни хороший парфюм, выбор одежды в классическом стиле, хорошее сочетание цветовой гаммы, на окружающих производит впечатление интеллектуала, хорошо разбирающегося в разных вопросах, успешен в карьере, на данный момент он является руководителем среднего звена. В возрасте примерно шести лет он потерял мать, к которой был сильно привязан, хотя его воспоминания об этом периоде жизни очень ограничены. Отец в дальнейшем не женился и никогда не приводил женщин домой в присутствии сына. Дома сохранились вещи матери, они весели в шкафу, и, будучи маленьким мальчиком, он залезал в шкаф, а когда никого не было дома, что-то надевал на себя. Отец был военный, в рассказе не упоминалось про насилие, но определенная строгость и четкость в воспитании явно присутствовали, так как отец следил за дисциплиной и хотел, чтобы сын пошел по его стопам, став военным, чего в будущем не произошло. В дальнейшем устойчивый опыт переодеваний произошел примерно в возрасте 18–20 лет, когда его тело имело худобу и внешность не имела четких мужских проявлений. Как он рассказывает о том периоде, он был очень похож на красивую девушку и, как он считает, особенно похож на свою мать. В соответствующей одежде и макияже он мог легко знакомиться с мужчинами. Однако

первый сексуальный опыт, по его словам, был с женщиной и был успешным, таким образом, в его истории наблюдается «плавающее» сексуальное предпочтение, так как мужчин-гомосексуалов возбуждают мужское тело и конкретные мужчины, а мужчин с фетишистским трансвестизмом возбуждает быть женщиной, и он может иметь успешный сексуальный опыт с женщиной. В последующем он даже вступил в брак, в котором родился ребенок, но брак был недолгим, возможно, потому, что ответственность и ограничения, которые накладывало отцовство, не позволяли ему наслаждаться своей жизнью. Необходимо отметить, что образы, которые воспроизводил этот мужчина (будь то разовые знакомства или переодевания), были максимально приближены к образу его матери, как будто он в этом образе воскрешал свою мать. Как выяснилось, его интересовало не только сексуальное возбуждение в процессе переодевания, ему доставляло удовольствие выходить на улицу в таком виде, ехать в машине по городу, ему хотелось, чтоб им обладали другие мужчины, когда он был в образе матери. Возможно, он когда-то был свидетелем первосцены в спальне родителей, видел, как отец обладал матерью, и после ее смерти данные образы трансформировались в потребность повторения данной сцены, однако сам он об этом не помнил. Если он встречал в своей жизни женщину, которая ему нравилась в качестве возможной спутницы жизни, его гетеросексуальное влечение возрастало, он прекращал свое нетипичное поведение, переключившись на женщин, но через короткий промежуток времени он возвращался к своим фантазиям, и в это время секс с женщиной его полностью переставал интересовать и был даже противен. В этом состоянии ему необходимо было удовлетворить что-то из разных областей его перверсных влечений: либо переодеваться и получать удовольствие от того, что на него смотрят, либо искать случайных женщин, максимально похожих на фотографии его матери, и иметь краткосрочные связи на стороне. При этом наличие семьи в классическом представлении для него было очень важно. Особую важность для него в этом процессе имело выстраивание для окружающих «красивой» оболочки данной семьи, которая может свидетельствовать о статусе (квартира, дача, машина, дети – при этом дети не обязательно должны быть своими, они играют роль наполнения успешной семьи). Он всячески маскировал свои проявления, но тем не менее допускал кусочки информации о своей другой жизни, как будто вторая часть его действовала и подталкивала его к тому, как будто говоря: давай покажи, у нас есть секрет. Наличие этого секрета – это как будто стыдно, но так возбуждающе прекрасно. Все «мужские» атрибуты, которые он считает мужскими, – часы, машина, одежда – носят для него четко выраженный классический мужской характер. При этом все должно быть идеально чистым – в этом есть также определенный фетиш, как то, что его тело и промежности должны быть всегда в идеальном состоянии. При этом такой же чистой должна быть машина, вещи – как будто эта чистота очищает от чего-то иного. В настоящее время он живет один, его внешняя брутальность не позволяет ему сейчас полностью преобразиться в женский образ, он поддерживает контакты с трансвеститами, с которыми знакомится через различные сайты знакомств для

гомосексуалистов, так как фетишизм для него стал основным условием, при котором достигается сексуальное удовлетворение. Если рассмотреть профессиональную сферу, то, по его словам, его склонности не влияют на его профессиональную деятельность, а зачастую помогают, так как потребность скрываться помогла ему развить способности хорошо фантазировать, придумывать различные объяснения, так, чтобы окружающие верили в то, что он рассказывает. Эта артистичность дает ему возможность налаживать связи и контакты, быть успешным в переговорных процессах и быть руководителем, который показывает достижения. Он длительное время хорошо помнит все подробности и нюансы, как будто проживает две разные жизни, в одной из которых он успешный мужчина, а в другой – человек, который воссоздает потерянный образ матери через всевозможные атрибуты, а также пытается его воссоздать через принятие ее образа на себя с возможностью обладания ею в бессознательной попытке воскресить ее.

Таким образом, мы можем в данной динамике наблюдать, что фетиш включает в себя не только страх кастрации, но и тревогу разлуки и неспособность отказаться от первичной идентификации с матерью, тем самым составляя суть проблемы фетишизма, где псевдожизненность перверсного субъекта – это по сути массовое замалчивание катастрофического изначального события, которое Я не смогло пережить (*Stein, 1999*). И в то же время, как утверждала Макдугалл (1982), перверсный пациент фактически мобилизует другого для повторного воплощения фантазии о «вхождении в первичную сцену родителей», фантазии, которая угрожает жизни, но где перверсный субъект чувствует себя невосприимчивым к опасности и черпает в ней возбуждение. Возбуждение остается пустым, повторяющимся, бессмысленным, сопровождаемым пустым чувством близости. А ложь страдающего перверсией человека – даже самая чудовищная – легко обходит все барьеры, заставляя других поверить в нее. Почему окружающие верят в ту ложь, которую приносит перверт? Ответ, возможно, в том, что перверсивная личность действует умело, ее мастерство в сфере обмана становится во сто крат сильнее из-за того, что правда не имеет для него никакой внутренней ценности – для такой личности имеет значение только результат. Озабоченность правдой – это тормозящий фактор и вместе с тем стимул для тех, кто не увлечен «дурным мышлением» (*Racamier, 1992*); перверсивная личность, однако, не осознает подобных видов торможения – впрочем, не известно ей и об их продуктивности. «Перверсивную личность не заботит правда или ложь; для нее имеет значение лишь эффективность; кому какое дело, является ли то, что он говорит, в действительности фактом или вымыслом, покуда оно правдоподобно; правдоподобие займет для него место "правды" и подойдет ему гораздо лучше. Также его мало беспокоит и то, говорим ли правду мы; если он услышит то, что ему не по нраву, то вскоре обратит это против нас посредством проекции», – пишет Поль-Клод Ракамье в своей работе «О нарциссической перверсии». И это мы четко видим на примере приведенного кейса, где «невыносимые чувства слабости, зависимости и

ничтожности отражаются в этих действиях таким образом, что позволяют перверсивной личности чувствовать себя сильной, независимой и великолепной» (*Racamier, 1992*).

Окружающий мир развивается, развиваемся и мы в нем, развиваются наши взгляды, и они становятся более свободными, чем сто лет назад, что сейчас позволяет во многих случаях перверсивной деятельности осуществляться более свободно, когда выполняются определенные эстетические условия, тем самым подтверждая, что сексуальный перверт – это человек, обладающий хорошим вкусом, просвещенный любитель и эстет, выступающий определенным «самозванцем», и носитель определенных характеристик. Вот они: перверты должны разыгрывать свой семейный роман; их идентичность и чувство реальности искажены; и их Суперэго искажено как в отношении их совести, так и в отношении их идеалов. И если психоз создает новую реальность из-за заблуждения, а невроз имеет тенденцию заменять реальный мир фантастическим миром, перверсия осуществляет трансмутацию реальности посредством идеализации анальности, объявляя ее равной или лучшей, чем реальный, генитальный мир. Если принять во внимание богатство сексуальных предпочтений и бесконечное разнообразие человеческих способов обратить на себя внимание, то перверсия остается своего рода нападением на бытие, при котором в случае психоза это атака на смысл, а при перверсии это атака на осмысленность; в этой атаке перверсия рассматривается как патология, где перверсивный индивид воспринимает свое отличие как принуждение, стремящееся повториться, вместо того чтобы развиваться и меняться, и, таким образом, терпит неудачу в удовольствии и сопереживании. Сексуальность проходит через бесконечный процесс переопределения. Но перверсивная область – это не тот случай, когда сексуальность отклоняется от существующих норм, какими бы они ни были, это область, где сексуальность перестает быть игровой областью, пространством для радости, удовольствия и самовыражения, и становится объектом террора сама по себе, объектом, который захватывает как себя, так и другого. Таким образом можно предположить, что перверсивный акт должен облегчить переживание невыносимого дефицита, отсутствия чего-либо, внутренней пустоты и ощущения бессмысленности и отчаяния, и, таким образом, перверсивные отношения используются для защиты от невыносимых переживаний. А вот в какое проявление могут трансформироваться эти явления и как они проявятся в текущей реальности нестабильного мира, думаю, мы в скором времени сможем наблюдать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дебор Ги*. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.
2. *Менгер К*. Основания политической экономии. Теория будущего, 2005.
3. *Жижек С*. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011.
4. *Фрейд З*. Собрание сочинений: в 26 томах. ВЕИП, 2021. Т. 14.
5. *Фромм Э*. Иметь или быть. АСТ, 2019. 320 с.

6. *Chasseguet-Smirgel J.* (1974) Perversion, Idealization and Sublimation. *Int. J. Psychoanal.*, (55): 349–357.
7. *Chasseguet-Smirgel J.* (1978) Reflexions on the connexions between perversion and sadism *Int. J. Psychoanal.* 59: 27–35.
8. *Gillespie W. H.* (1940) A Contribution to the Study of Fetishism *Int. J. Psychoanal.* 21: 401–415.
9. *Greenacre P.* (1968) *Perversions In Emotional Growth* New York: Int. Univ. Press, 1971. P. 300–314.
10. *McDougall J.* (1982) *Théâtres du Je* ed., Paris: Gallimard.
11. *Socarides C.* (1960) Development of a fetishistic perversion *J. Am. Psychoanal. Assoc.* 8: 281–311.
12. *Stein R.* (1999) The entitlement of the object in perversion ed., Jerusalem: Paper presented at Freud at the Threshold of the twentieth-century conference, The Freud Center, Hebrew University.
13. *Racamier P.* (1992) *Legenie des origines*, Paris: Payot, pp. 284–298.
14. *Winnicott D.* 1953 Transitional objects and transitional phenomena *Int. J. Psychoanal.* 34: 89–97.

Fetish as a perverse manifestation in the modern world

T. V. Izumrudova

Izumrudova Tatyana V., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, member of the APCBC Association.

Is modern society ready for the challenges that reality presents to us in the age of rapidly changing technologies, socialization, and the tendency to search for oneself? Is it ready to cope with the loss of what was close and understandable, to accept the loss of the reality in which the individual was. What is behind this anxiety, what manifestations of perversions may be hidden behind a seemingly harmless addiction to a commodity fetish.

Psychoanalysts of various directions throughout the history of perversions have contributed to the study of this issue, but they could not imagine that society would face realities when an individual could experience unbearable anxiety from losing possession of a brand, like the one he may have experienced in childhood.

Keywords: fetish, commodity fetish, perversion, perverse actions, anxiety.